

Александр ОСИНОВСКИЙ

ОТРОКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ...

Отрывок из романа

*Всем отрокам военных лет я эти строки посвящаю.
А потому и вспоминаю мгновенья пережитых бед.*

Семь лет

Сквозь сон Саша услышал низкий монотонный рокот и, еще до конца не проснувшись, понял, что опять летят самолеты. Много самолетов. За последние дни этот неприятный звук порядком ему надоел, и он не спешил вставать и бежать во двор, чтобы посмотреть, в какую сторону они летят. Но глаза открыл и окинул взглядом комнату. Все кровати были уже застелены. Хлопнула входная дверь. Тогда встал и он, выбежал во двор. Там стояли, запрокинув головы, и папа, и мама, и Надя, и Миша. Высоко в безоблачном небе самолеты шли целыми стадами. На восток... Значит, немецкие... Саша видел — изредка на запад над их Верхними лозами пролетали и наши, низко и небольшими стайками.

— Опять будут бомбить крупные города. Может, уже и до Москвы долетают, — грустно сказал отец семейства Александр Кузьмич.

— А наши бомбят немецкие города? — спросил Миша.

— Вряд ли. Ситуация пока не та. Но будут! Обязательно будут!

— Пап! А куда ж тогда наши летают? — опять спросил Миша.

— Сражаться с фашистами на передовой линии их наступления.

— А что, они и к нам придут? Фашисты-то?

— Хотелось бы верить, что этого не случится...

— Пап! Что значит «хотелось бы верить»? Не придут, и все! Эх, жалко, меня на фронт не берут...

— Нет, Миша, пусть война закончится раньше, чем ты подрастешь для фронта, — голос Марфы Дмитриевны дрогнул. — И вообще, хватит нам здесь торчать! Пойдемте завтракать. И Сашуню нашего пора поздравить — имениннику семь лет, шутка ли!

Пошли завтракать, но прежде Саша получил подарки. От папы — школьные принадлежности для первоклассника, от Нади — полотняную сумку для них, сестра украсила свое изделие строгим «мужским» узором. Мама сшила белую рубашку. А Миша сделал для брата большой деревянный пулемет «Максим» с трещоткой, которому Саша обрадовался больше всего. Хоть и видел, как мастерил его Миша несколько дней, добиваясь сходства с картинкой

в книжке... Но трещотку Миша сделал в последний момент, только накануне вечером, и она для мальчика стала полной неожиданностью.

Именинник был в восторге — сразу направил пулемет в окно, вертел ручку, треск раздавался отличный: резкий, частый, громкий.

— Ну и ну! — улыбнулся отец. — Не знаю, как наши враги, а куры во дворе все разбегутся.

Мама с сомнением покачала головой:

— Как бы нам при немцах от такой игрушки худа не было...

— При каких немцах?! — возмутился Миша. — Не будет у нас немцев! Вот еще день-два — и их остановят. А потом погонят до самого Берлина.

— Будем мы их гнать и в хвост и в гриву, — поддержал Мишу отец.

Сели за стол. Спешно позавтракали, чем Бог послал, а точнее — тем, что приготовила Марфа Дмитриевна: драниками со сметаной и компотом из сушеных яблок и груш.

— Mam! А пироги сегодня будут? — поинтересовался именинник.

Марфа Дмитриевна вздохнула, с нежностью глядя на младшего сыночка:

— Нет, дружок... Ты уж прости — не до них сейчас. Да и муки хорошей теперь не достать. Все, дети! Займитесь своими делами, а мы с отцом — своими.

Ароматная зелень отвлекала от мрачных мыслей о войне. Здесь все было таким мирным, своим, родным. Тревожили только длинные пулеметные очереди деревянного «Максима». Александр и Марфа наскоро собрали подросшие огурцы и помидоры, надергали морковки, нарезали петрушки и укропа, выкопали несколько кустов картофеля. Все это они делали так, будто торопились встречать гостей.

Но кто мог прийти? Многие учителя разъехались по одственникам, Яков Алексеевич уже на фронте, Алевтину Галактионовну взяли в первые же дни войны. Об Игнате Васильевиче, бывшем председателе колхоза, — ни слуху ни духу. Семья его где-то в Трубогорске. Новый председатель уважает и Александра, и Марфу, однако на дружеские контакты с ними не идет. Соседка Настя не забывает, но у нее сейчас своя забота: готовит сына в армию. И тем не менее что-то подсказывало: кто-нибудь да должен прийти к ним сегодня! Так и случилось.

Как раз перед обедом, когда дети уже были в сборе и Марфа Дмитриевна начала накрывать на стол, скрипнула калитка, а затем в сенях раздались чьи-то уверенные шаги.

— Боже правый! — воскликнула Марфа и чуть не уронила чугунок. — Игнат! Радость какая, Игнат Васильевич пришел!

Дети его не помнили, но родители замерли от удивления и радости...

— Ну что, товарищи Журавские! Примете вчерашнего заключенного? — рассмеялся прямо с порога. — Вижу, что не ждали! А я не сбежал — меня вот выпустили! Я, дорогие мои, уже мобилизован, послезавтра уезжаю в действующую армию. Вот, даже разрешили повидаться с семьей. А я и к вам приехал!

Его громкий голос вмиг заполнил все уголки дома. Дети смотрели на дядю Игната с восхищением. Он обнял всех по очереди, начиная с Александра Кузьмича.

— А я ведь помню, что у тебя сегодня день рождения. Вот только подарить нечего, извини... — сказал он Саше и высоко поднял мальчика над головой. — Как же долго я вас не видел!

На глазах у Игната Васильевича неожиданно блеснули слезы.

Змитрок МОРОЗОВ
ПОСЛЕДНИЙ
СОЛДАТ

ЦВЕТЕТ СИРЕНЬ

Цветет сирень. Ее соцветьям,
Небесной полным синевою,
Наивно радуются дети,
И вместе с ними я — живой!
Как будто этой синевою
Пронизан весь огромный свет.
Вновь рифмой майской, молодую
Я возрождаюсь, как поэт.

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ

В стороне от шумливого света,
От людей, новостей и машин
Неизвестный солдат той Победы
Долгий век доживает один.

Вдоволь деду и тиши, и воли,
Хлеб на лавочке тоже лежит.
Никому он глаза не мозолит,
Часом слышишь: «Легко ему жить».

А и правда — заботы немного
Схоронившему всех старику.
И одна лишь надежда — на Бога
На отпущенном Богом веку.

Владимир Ценунин

ПУЩА

Роман¹

Беженцы

Было время, Змитрок со своей семьей жил на берегу маленькой речушки Шишка. Узенькая Шишка сворачивала на соседнюю улицу, там втекала в более широкую Струшню, отделяющую деревню от колхозного машинного двора и впадающую в речку Жуковку прямо напротив школы. Жуковка окаймляла деревню подковой, словно упавшей с неба на счастье, пробегала под высоким железнодорожным откосом по огромной трубе-арке и за лесом сливалась с Волчасом, сказочным змеем, петляющим среди полей и лесов целых пятнадцать километров, до самого Сожа, в который шумно вбрасывал свои воды. Кроме речушек и рек ледник оставил около десятка небольших озер, богатых карасем и всякой другой рыбой, небесными зеркалами были рассыпаны озерца вокруг деревни, где и стоял в большом яблоневом саду добротный дом Змитрока. Браконьеров с сетями и неводами в округе никогда не встречали. Любой на удочку легко мог наловить несколько килограммов плотвы или окуней. Единственным браконьером в деревне считали заведующего клубом Яшку Вераса, который с топтухой ползал по затокам Жуковки. Да и то ему приходилось всю мелочь выбрасывать в речку — за ловлей Яшки зорко следили местные пацаны. А вот удочки были в каждом дворе — даже с улицы были заметны ровные ореховые удилища, подвешенные под крышами домов и сараев.

Деревня состояла из трех отдельных поселков, которые разделяли речки, а со всех сторон простирались зеленые просторы хвойных и смешанных лесов. Таких красивых мест не так уж много на просторах нашей Беларуси. Потому Змитрок и вернулся сюда после окончания педагогического института, женитьбы и отработки после распределения в Могилевской области.

Он родился в этой деревне, а пришло время — привез сюда жену. Учителем работали с нею в местной школе и жили бы, наслаждаясь красотой и покоем, как и все соседи, ожидая счастливой старости. Но случилась Чернобыльская беда, и все изменилось.

¹ Начало.

Наталья СОВЕТНАЯ

ЩЕДРО СТЕЛЕТ МАЙ...

* * *

Разметались по полю длинно-тонкие тени
Пробудившихся майских золотых тополей.
Словно кто-то задумал на закате весеннем
Тополями измерить ширь сторонки моей.

В высоту устремились деревья-исполины.
Не угнаться за тенью, коль не видно вершин,
В облаках утонувших, в горне-солнечной сини,
Где вожак журавлиный ведет преданный клин.

* * *

На таинственном небе, безлуньем набухшим,
Словно искорка, так одиноко мала,
Засияла звезда над старинной избушкой,
Над прогнившей скамьей, что травой поросла.

Волки выли, почуяв голодную волю.
Ночь округу накрыла суровым сукном.
Только тьме вопреки, озарилось вдруг поле:
Свет той малой звезды отразило окно.

* * *

По весне в лесу —
белый-белый цвет!
Нежно льют и льют
ветреницы свет...

Ирина КАРНАУХОВА

ВАЛЮШКА

Рассказ

Моей маме посвящается

— Валюшка, вставай! Пора, внучка, корову пасти.

Голос бабушки звучит где-то далеко. Невыспавшаяся, голодная девочка никак не может разнять веки. Сестренки спят, посапывая и прижавшись друг к дружке. Ей, старшей, пошел уже десятый год. Как не хочется вставать!

Донеслись приглушенные взрывы. За два года Валя привыкла уже к грохоту: фронт от их Курска недалеко. Зимой умерла от воспаления легких мама: слаба была здоровьем, измотал ее голод, извели переживания, словно жизнь высосали. Не смогла мама справиться с болезнью. Вот и остались они теперь только с бабушкой Натой.

— Валентина! Вставай! — резко прозвучал голос бабушки.

Девочка с трудом открыла глаза. В сарае было еще темно, но корова Дарька мычала. Валюша любит свою буренку. Только благодаря ей и пережили холодную зиму.

— Бабушка! А где мои боты?

— Глянь на полке. Я их повыше поставила, чтобы подсохли.

Но боты еще сырые. Девочка надела кофтенку и набросила большой серый платок, когда-то связанный бабушкой, теперь уже старый и дырявый. Концы его крестом через грудь завязала на спине.

— Пошли, Дарька...

Выйдя из сарая, увидела: на крыльце их дома, прижавшись к стене, спит охранник с автоматом. В доме разместились офицеры Вермахта, а Валя с бабушкой и сестрами теперь живут в сарае. Поежившись от пронизывающего утреннего тумана, вышла за скрипнувшую по-родному калитку. Проходя мимо окон дома, словно вновь увидела счастливое мирное время, теплые, длинные дни перед войной. И даже зимние — теплые и спокойные, а значит — счастливые...

Дом Ковалевых был добротный и крепкий, комнаты располагались по периметру. С правой стороны в первой из них спали братья — Юрка и Игорь. В следующих — они, девчонки. Дальше небольшой бабушкин закуток с кроватью. Через проем, на котором в мирное время висели шторы, можно было

попасть в зал, а за ним — спальня папы и мамы. Комнатки маленькие, но в их большой семье места хватало всем.

— Stop mädchen! Wohingehst du so früh?¹

Окрик немца у калитки соседнего дома остановил Валюшку. Она ничего не поняла, но стала показывать рукой прямо и повторять:

— Корову на поле пасти веду. Видите? Корову... На пастбище...

— Komm hier².

Эти слова были уже знакомы. Валюшка подошла ближе и остановилась. Удивительно, но и Дарька замедлила ход и повернула голову в сторону немца.

— Wie alt bist du? Willst du essen? Tu etwas, und ich gebe dir Brot.³

Что такое «брот», она знала. Но не понимала, что хочет от нее толстый усатый дядька. Бабушка постоянно предупреждала, что с этими непрошеными гостями надо быть осторожнее и не брать ничего, что предлагают. Валюшка замотала головой. А немец начал хлопать в ладоши и повторять:

— Tanz, tanz...⁴

В этот момент корова подошла к девочке, ткнула носом в руку и сильно замычала.

— Дяденька, отпустите! Мне корову пасти надо!.. Отпустите!.. А то другие дяденьки ругаться будут, если молока вовремя не получат. Отпустите! — затараторила Валюшка и неожиданно быстро потянула за ухо Дарьку за собой.

От поспешной ходьбы Валюшка согрелась. Но со стороны реки дул прохладный ветер. Слева от поля для выгула за небольшой рощицей — речка Тускарь. Правый берег ее пологий, с заводями и небольшими пляжами, куда летом бегали купаться ребятишки со всей округи. А левый — высокий и крутой. На нем теперь — плацдарм с зенитками, которые периодически стреляют.

Над горизонтом стало появляться солнце. В туманной завесе оно казалось расплывчатым. Но ветер с реки быстро развеял серость, сразу потеплело — май брал свое.

На поле вместе с Дарькой паслось еще несколько коров. Тетка Марфа из соседнего переулкa, проходя мимо со своей рыжей коровой, недобро глянула на девочку: не любила она Ковалевых. Ох, как ругалась с папкой, когда Юрка поймал ее кошку и засунул в авоську... Вспомнить страшно! Отец, конечно, отлупил брата за бедную кошку. Но Юрку это не остановило: продолжал пакостничать. А Марфа... Бабушка говорит, у нее язык без костей. Не знает бабушка: нет в языке никаких костей! Просто она вреднючая и все ей не нравятся... Вот и на Валю так злобно смотрит, а что она ей сделала? Она ее кошку любит, в авоську не сажает, а всегда гладит. И кошка Валюшку любит... От тепла девочку разморило, она сняла платок. А потом снова стала вспоминать... Когда папу призвали в армию, сосед-священник отец Михаил, живущий напротив, перекрестил его и надел на шею крестик.

— Будешь верить в Бога, Он поможет тебе, — сказал батюшка.

«Удивительно: а там, наверху действительно живет кто-то?» — Валюшка посмотрела на небо: плыли редкие небольшие облака. Особенно чутко слышала мирные звуки майского дня. Гудели шмели, жужжали пчелы, перелетая с цветка на цветок. «А у Бога там дом есть?.. А как он может видеть каждого человека, как говорит всегда бабушка, если людей так много на Земле?»

¹ Стой, девочка! Куда так рано идешь?

² Иди сюда.

³ Сколько тебе лет? Ты кушать хочешь? Сделай что-нибудь, а я тебе хлеба дам.

⁴ Танцуй.

Андрей ДУШЕЧКИН

К ЛИЦУ МУЖЧИНАМ ОРДЕНА...

ШИНЕЛЬ

Старик шинель свою примерил,
И словно вспомнился тот год,
Когда в войну шагнул от двери,
Сбегая в лестничный пролет...
В ней спал, бывало, на привале,
Под ней не страшен был налет.
И в ней о будущем мечтал он,
Предчувствуя войны излет.
Шинель была как мать солдату
И укрывала у костра.
На ней тащила к медсанбату,
Срывая пальцы, медсестра.
В ней на параде ровным шагом,
Отдав стране и долг, и честь,
Шли, как когда-то шли в атаку
За Родину, за жизнь, на смерть.
И после жесткими глотками
Сжигали спиртом кровь и боль:
— Давай за тех, кого нет с нами!
Последний тост, последний бой...
Остались письма фронтовые,
Остались снимки из газет:
Стоят красивые, живые
Однополчане грозных лет.
Старик шинель свою примерил,
И словно вспомнился тот год,
Когда в войну шагнул от двери,
Сбегая в лестничный пролет.

Людмила МАРКОВСКАЯ ПРОЖЕКТОРЩИЦЫ

Рассказ

О них не пели песни и не снимали фильмы... Даже книг о них почти нет. Посвящаю этот рассказ девушкам-прожекторщицам — призывницам весны 1942 года.

Москва, июнь 1941 года.

Леля любила ходить на рынок. Многоцветье овощей и фруктов, пряные запахи свежей зелени, крики торговцев, озабоченные лица хозяек, торгующихся за пучок редиски с упорством скупщиков в ломбарде, пестрые букеты, грохот тележек, подвозящих товар, — все там казалось ярким и праздничным. В это воскресенье, как обычно, было шумно и многолюдно. Во всю мощь играло радио. Тетя Галя велела купить деревенского творога, и Леля стала проталкиваться сквозь плотную толпу в молочный ряд, покрепче сжимая в кармане сарафана кошелек. Молодой парень, шедший навстречу, улыбнулся и подмигнул Леле.

Вдруг музыка резко оборвалась, и из черного громкоговорителя разнесся над базаром голос Молотова:

— Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города...

Все вокруг затихло. От шока люди не могли вымолвить ни слова, над молчаливыми рядами звучало:

— Враг будет разбит! Победа будет за нами!

В толпе заплакала женщина, все стали расходиться, торговки хватали корзинки с товаром, кто-то в суматохе наступил Леле на беленький носочек. Мимо пробежал давешний парень в полосатой футболке, но Леле уже было не до него. Домой! Надо срочно ехать к маме!

Она приехала из Бреста в Москву полгода назад и готовилась к поступлению в пединститут. Подружилась с Валею Литвиновой — соседкой тети,

они решили поступать вместе и вскоре стали неразлучными. Коренная москвичка Валя показала подруге столицу, но родной город по-прежнему оставался сердцу милее. Леля скучала по его тенистым улочкам, по маме, по школе, где год проработала пионервожатой. Однако уже назавтра стало ясно: Брест захвачен немцами.

Москва, май 1942 года, Ставка Верховного Главнокомандования.

Окна, затянутые светомаскировочными шторами, не пропускали дневного света. В кабинете горело электричество. За столом, обтянутым зеленым сукном, с уставшими лицами сидели военные. У карты, постукивая указкой о начищенное голенище хромового сапога, стоял коренастый подполковник Салазко.

— Введите всех в курс дела, подполковник, — кивнул ему человек, сидящий в торце стола.

Набрав воздуха, тот начал:

— В начале мая на фронте сложилась тяжелая обстановка. Германские войска окружили нашу крупную группировку под Харьковом и прорвали фронт на ширину двести километров. В этот прорыв хлынули танковые дивизии рейха. Их движение проходило в трех расходящихся направлениях. Первое ставило целью замкнуть кольцо окружения вокруг Москвы, но врагу удалось дойти только до Воронежа, — Салазко сдержанным жестом военного, стараясь сохранять хладнокровие, переставил указку. — Второе направление — на Сталинград с целью перерезать главную артерию СССР, по которой происходит доставка кавказской нефти на нефтеперегонные заводы России. Войска рейха вышли к Волге, в городе идут бои, но взять его частям 6-й армии генерал-полковника Паулюса не удалось. Сталинград держится и стал неприступной твердыней. — Указка двигалась по карте. — На третьем, кавказском, направлении линейные части вермахта не смогли завладеть нефтью Грозного, хотя они были всего в шестидесяти километрах от нее. Сейчас Гитлер отдал рейхсмаршалу люфтваффе Герману Герингу приказ непрерывно бомбить нефтепромыслы. Главный удар будет по Баку: его железнодорожным узлам, порту и нефтеперегонным заводам. Поэтому защита нефтепромыслов становится первоочередной задачей. Доклад окончен.

Верховный главнокомандующий повертел в руках трубку и поднял голову:

— Думаю, необходимо создать специальную Закавказскую зону противовоздушной обороны. Это очень важный для нас регион, и его защиту должны осуществлять лучшие полки ПВО и истребители. Подготовьте проект приказа к завтрашнему утру.

Москва, 1942 год.

Утром Леля нажала на кнопку звонка квартиры Литвиновых. Открыла Валя, одетая на выход.

— Ты куда?

— В райком комсомола, записываться добровольцем на фронт. Смотри, что мы в газете нашли: постановление «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО». Слушай! — Валя развернула «Правду»: — «Госкомитет Обороны постановляет: заменить в войсках ПВО сто тысяч красноармейцев женщинами для замещения должностей — радистов, прибористов зенитной артиллерии... номеров прожекторных станций... Второе: обязать ЦК ВЛКСМ мобилизовать к 10 апреля 1942 года девушек-комсомолок в возрасте

19—25 лет, из них 4 % с полным средним образованием... Замену произвести в самые короткие сроки!»

— Я хочу с тобой!

— Ну, если не боишься, то... Побежали!

В кабинете с надписью «Запись добровольцев» молодая женщина, коротко расспросив их, сказала:

— На фронте пока от вас пользы никакой, нужно подучиться. Направляйтесь на зенитно-прожекторные курсы. Согласны?

Девушки ответили вместе:

— Да!

— Ну, тогда через неделю — на занятия.

Через неделю они уже сидели в аудитории среди таких же сосредоточенных и пока еще немного неуверенных курсисток.

Младший лейтенант Виктор Шестаков, двадцати пяти лет отроду, шел по коридору, поскрипывая сапогами. За окном весна, а настроение неважное. Обидно сидеть в Москве и учить вчерашних школьников, когда хочется бить врага на фронте. Но ничего не попишешь: раз назначили куратором курса, надо выполнять приказ. Обещали, что будет сопровождать их к месту назначения.

Он вошел в аудиторию. Приветствуя лейтенанта, поднялись тридцать молодых девушек. Началась перекличка. Многие хихикали, строили симпатичному военному глазки, но все эти сантименты Шестаков пресек в корне. Наконец, последняя по списку — Яблонская Ольга. Девушка сразу понравилась Виктору серьезным взглядом синих глаз, длинными льняными косами и здоровым румянцем.

— Будете старостой, Яблонская!

— Есть, товарищ младший лейтенант!

И началась учеба. Узнали и запомнили как «Отче наш» основные технические характеристики: масса станции — 6100 килограмм, прожектора — 950 килограмм, дальность действия луча — 10—12 километров. Старенький преподаватель Федор Иванович конспектов не требовал, но обучал доходчиво.

— Как описать работу прожекторной установки на практике? Слушаем... Что нужно для того, чтобы прожектор осветил самолет? Надо знать, куда он летит. Для этого есть слухачи. Это они дадут вам курс и угол места, куда светить. От начальника станции получаете команду: «Луч!» — и тут начинается ваша работа. Наводите прожектор, цепляете самолет и передаете его по цепочке в зоны действия истребительной авиации и зенитных войск. Две станции-искателя должны, не упуская ни доли секунды, освещать самолет противника до уничтожения...

Изучали силуэты фашистских самолетов и вскоре стали легко отличать «Юнкерсы», «Мессершмитты», «Хейнкели», «Фокке-Вульфы», которые нарекли «рамой».

Виктор с улыбкой наблюдал в окно, как по-девичьи нелепо курсантки выполняли команды: «Бегом», «Ползти по-пластунски», как пугались выстрелов...

Наконец обучение закончилось.

1942 год, поезд «Москва — Баку».

Эшелон уходил с Курского вокзала. Леля огляделась. Одеты все одинаково: шинели, пилотки, через плечо — противогазы.

Раздалась команда:

— По вагонам!

Подруги поспешили занять места у окна. В плацкартном купе было еще четыре девушки.

На пути к месту назначения вместе с обмундированием выдали пластмассовые патрончики-медальоны с завинчивающейся крышкой, чтобы внутрь не проникала вода. Внутри — ленточка, ее надо заполнить анкетными данными, завинтить патрон наглухо и положить в кармашек. Леля, послушив химический карандаш, старательно вывела печатными буквами: «Яблонская О. В. Год рождения 1922. Место жительства: Брест, ул. Спортивная, д. 15, кв. 1, группа крови 2-я».

— Настоящий паспорт смерти, — сказала Валя. Еще Леля тайком положила в карман гимнастерки свой талисман, который должна сберечь до конца войны. Наверное, у всех были вещицы, служившие оберегами, но говорить об этом не стоило: талисман «имел силу», если о нем знаешь только ты сама. У Лели в кармашке лежало маленькое зеркальце в блестящем металлическом обрамлении. Когда она уезжала в Москву, мама дала его со словами:

— Возьми, дочка, в столицу едешь!

Теперь Леля часто открывала зеркальце и вспоминала родной дом и мирную жизнь.

Девушки уже знали, что будут прожекторщицами, но солдатами еще не стали — петлицы на шинелях у будущих властительниц ночного неба пока были чисты. Эмблемы они получают лишь после принятия присяги. Все, что им сказали, — их рота будет дислоцироваться в поселке Яшма под Баку.

Поезд ехал медленно, пропускали эшелоны с оружием и техникой. Останавливались часто, навстречу в теплушках везли раненых. После сражений на полях стояли танки, а в них, наверное, находились заживо сгоревшие в своих машинах танкисты, ставшие единым целым с искореженным металлом.

Леля писала маме каждую неделю, хотя Белоруссия была оккупирована фашистами. Леля понимала, что полевая почта туда не доходит, но вошло в привычку выговариваться на бумаге. Складывала письма в рюкзак и молилась, чтобы мама их когда-нибудь прочитала... А первое письмо, затосковав по родному человеку, выводила в подсказывающем на стыках рельсов поезде:

«Здравствуй, милая мамочка! Сообщаю, что я попала в число девушек, мобилизованных по спецпризыву. С первых чисел апреля пошел отсчет моей военной биографии. Понимаю, что вряд ли у вас можно читать советские газеты, поэтому разъясню. Мы, комсомолки, заменим на фронте мужчин. Освободившиеся красноармейцы, в свою очередь, будут направлены для укомплектования выводимых с фронта стрелковых дивизий — взамен погибших бойцов...»

Собрались перекусить. Запасливая Нина Меркулова достала вышитую салфетку и застелила столик, вокруг которого засуетились девушки.

— Ну что ж, стол накрыт. Как говорится, икры бадейка, тушеная индейка, стерляжья уха да телячьи потроха, — зачастила говорливая Маша Фокина. Конечно, в сухих пайках ничего из перечисленного не было, но есть в компании было весело. Ехали долго, постепенно раззнакомились, рассказывали друг другу о том, что было, мечтали о том, что будет...

И вот, наконец, увидели в окно Каспий, нефтяные вышки, на перроне услышали гортанную азербайджанскую речь.

С вокзала по пыльной дороге их вез тряский грузовик.

«ЗДЕСЬ ВСЯ БЕЛАРУСЬ ПРЕВРАТИЛАСЬ В МУЗЕЙ...»

Михаил ХОНИНОВ — знаковое имя в белорусско-калмыцкой литературной дружбе. Фактически основная часть истории этой дружбы пришлась на советское время. Поэт, прозаик и драматург из Элисты партизанил в Беларуси в Великую Отечественную войну. Был отмечен орденом Красного Знамени. В послевоенные годы вместе со своими земляками находился в депортации. Вернувшись на родину, в Калмыкию, старался наверстать упущенное, многое сделать в творческой работе. И одной из первых его книг стал тоненький сборник переводов стихотворений народного песняра Беларуси Янки Купалы на калмыцкий язык. Это был своеобразный подарок к 80-летию со дня рождения автора бессмертных произведений.

Михаил Хонинов часто приезжал в Минск, в Березино, в разные селения Могилевщины и Минщины, где когда-то партизанил, где после войны жили его боевые товарищи — белорусские партизаны. Влюбленность в Беларусь была составной частью и его творческого, художественного характера. Поэтому и много писал о своей партизанской юности, о людях Беларуси. Калмыцкий поэт переписывался с народными поэтами Беларуси Петрусем Бровкой и Максимом Танком, могилевским литератором Алексеем Пысиным, другими белорусскими писателями. Благодарные белорусы присвоили Михаилу Ванькаевичу звание «Почетный гражданин Березино». В Минске на белорусском языке изданы две книги стихотворений Михаила Хонинова. Одну из них полностью перевел поэт-фронтовик Алексей Пысин.

Одно из «белорусских» произведений М. Хонинова — поэма «Колокола Хатыни». Существует несколько ее переводов на русский язык. Один из них осуществила доктор филологических наук Римма Хонинова — дочь поэта. Римма Михайловна живет и работает в Элисте, многое делает ради сохранения памяти, литературного наследия своего отца. Вниманию читателей «Нёмана» мы и предлагаем поэму доброго друга Беларуси Михаила Хонинова (1919 – 1981) в переводе Риммы Хониновой.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ,
председатель ОО «Союз писателей Беларуси»

Михаил ХОНИНОВ

КОЛОКОЛА ХАТЫНИ

Поэма

Здесь каждый четвертый житель погиб —
Здесь каждый из них был войною убит.
Здесь вся Беларусь превратилась в музей,
Легендою стала она для людей.

Деревья и реки здесь память хранят,
О бедах и подвигах нам говорят.
Всех помню, кто рядом сражался со мной,
Я знаю погибших и тех, кто живой.

И я приезжаю сюда на поклон,
И шапку снимаю: «Прохожий, стой!»
Ведь я приезжаю сюда из степей:
Как мать Беларусь мне, нет края родней!

Прошло много лет после страшной войны,
Но помним, скорбим и печалимся мы:
Слезами и кровью здесь реки текли...
И Неман, и Днепр — вы навеки мои.

Близ Минска — четыре штыка, в тишине
На славном Кургане блестят в вышине
Как память. На всех четырех тех фронтах
Несли они гибель фашистам и крах.

Близ Минска курган как с войны часовой,
Он здесь, на посту, — нет возврата домой.
К Хатыни он руки простер, точно брат.
Сельчан не вернуть ей, бьет память в набат.

Жестоко и подло фашисты смели
Деревню Хатынь с белорусской земли.
Сто сорок и девять там взрослых, детей
Сгубил Дирлевангер, злой дух для людей.

Анна АЛЕКСАНДРОВИЧ

В ОЖИДАНИИ ПРАЗДНИКА ПОБЕДЫ

Так оказалось, что я уже несколько лет живу на 19-м этаже нового дома в красивом сосновом лесу. Среди такой благодати Божией, после большого суетного города, совсем по-другому и думается, и живет. Теперь накануне всегда для меня долгожданного праздника Дня Победы я ухожу в лес, развожу маленький костер, тихонечко пою любимые песни и размышляю о том, что особенно дорого. Приглашаю и вас к моему огоньку.

Мои первые воспоминания из далекого послевоенного детства, словно цветные сюжеты старой киноплёнки, с возрастом все чаще и чаще всплывают в памяти.

...Ласковое летнее солнышко слепит глаза, я, лет трех-четырех, маленькая, худенькая, с длинными льняного цвета косичками, бегу по узкой тропинке, что вьется меж ярко-зеленой травы. И не просто бегу, а проказничаю. Впереди шагает мой папочка. Молодой, высокий, очень красивый, в кителе с «золотыми» пуговицами. У него костыли до подмышек и... только одна нога. Я не могла понять, почему в такую жару я босиком, а папина нога в валенке. Моя же детская забава состояла в том, что я догоняла папу, легонько прикасалась своей ножкой к обшитому кожей заднику его валенка и быстренько отбегала назад. Некоторое время шла за ним медленно, издали наблюдая, как реагирует папа. А он, принимая мою невинную шалость, спрашивал: «Анечка, ты не видела, кто мою большую ножку трогал?» Уж не помню, что я отвечала, но продолжалась такая игра довольно долго, и мне она очень нравилась.

П. Е. Александрович

Папочка гостил недолго, всегда быстро уезжал, а я скучала по нему невероятно и все бегала за деревню на большую дорогу, откуда он обычно появлялся. Наступала осень с дождями и непролазной грязью, за ней зима — с метелями и сугробами выше крыш, затем весна с половодьем, когда река Ульянка выходила из берегов, затапливая ту большую дорогу, по которой приходил отец...

Евгения ДАШКЕВИЧ

Мой госпиталь

Воспоминания врача о работе в Республиканском госпитале имени П. М. Машерова для инвалидов Великой Отечественной войны

Евгения Дашкевич, 1965 г.

Мое первое воспоминание о госпитале связано с долгой дорогой по пыльной Сталинградской улице (ныне Волгоградской) в тесном, тряском и душном ЛАЗике, затем — по Логойскому тракту мимо птицефабрики с характерным запахом и дальше по грунтовому шоссе до самых Боровлян. Мы с мамой ехали посмотреть госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны, куда меня направили работать.

Разыскав нужный двор, вошли в открытые ворота и попали на территорию, мало напоминающую больницу. Но оказалось, что контора находится в одном из жилых бараков, и мы вернулись на деревенскую улицу ее искать. Вскоре я и мама поднимались на голубое скрипучее крылечко с тыльной стороны двора. Напротив находились деревянный туалет и помойка. Все было настолько просто! Сегодняшним медикам, работающим в госпитале, трудно даже представить себе ту бедность и незамысловатость.

Вошли в контору — маленькое помещение, где сидели за столами бухгалтер, кадровик и кассир. Они меня приветливо встретили и отправили к начальнику Морозову Ивану Степановичу в кабинет за фанерной перегородкой.

Шел 1963 год. А значит, госпиталю уже исполнилось 20 лет. Его история берет начало еще в дни войны далеко не в Беларуси, а в городе Златоусте Челябинской области, где 17 сентября 1943 года в здании школы было поставлено четыреста коек для легкораненых бойцов. Через год, в октябре 1944 года эвакогоспиталь № 5803, как и большая часть ему подобных лечебных учреждений, был передислоцирован ближе к линии фронта и постепенно добрался до наших краев. В 1945-м он разместился в двух полуразрушенных бараках в деревне Боровляны Минского района. Начинали со ста коек, которые сразу же заняли бойцы с линии фронта.

Условия в те дни были созданы самые примитивные: без электричества, канализации и водопровода. В первые годы оперировали больных в Минске, а

в госпиталь привозили на долечивание. Когда работала я, оперировать приезжали хирурги из 3-й клинической больницы. Со мной работали люди, которые еще в 1945-м пришли сюда, они рассказывали, как все начиналось, как преданно своему делу тогда трудились. Например, абсолютно все сотрудники, от главврача до санитарки, заготавливали дрова в лесу, чтобы отапливать бараки, а воду носили из колодца за полкилометра...

Первым делом тогда для пациентов построили баню. Больных, потерявших на фронте руки, ноги, а также парализованных, мыли санитарки. Баня служила и приемным отделением. Но при всей этой неустроенности медицины в госпитале работали прекрасные, было и оборудование. Например, уже в первые годы в одном из барakov стоял единственный на весь Минский район рентген-аппарат.

В 1946 году эвакогоспиталь № 5803 переименовали в Минский областной госпиталь инвалидов войны. Поступали в него люди, которые нуждались не только в медицинской, но и в психологической, и в социальной реабилитации. Война — ужасное потрясение для человека. Пройдя долгий жизненный путь вместе с больными, могу засвидетельствовать это не только как врач. И в 1960-е, и в 2000-е я неоднократно сталкивалась со сложными случаями глубоких душевных травм и социальной неустроенности инвалидов, о чем расскажу немного ниже. А в первые годы после войны среди пациентов было много молодых мужчин, потерявших руки и ноги, а с ними — и профессию, полученную до войны. Для таких организовали курсы, где можно было выучиться на фотографа, счетовода, сапожника, повара, парикмахера, а также на водителя мотоколяски, которой снабжало инвалида государство. Позднее тем, кто потерял на фронте ноги, стали выделять автомобиль «Запорожец», и в мою бытность курсы проходили наши подопечные на веранде, пристроенной к госпитальному барaku. Там инвалиды получали водительские права.

Итак, 1963-й год. Мы с мамой выслушали, что для невропатолога, кем я была направлена Министерством здравоохранения на работу, вакансии пока нет, но ожидается увольнение врача. А пока — буду работать терапевтом. И 10 ноября я в белом халате уже входила в палату к своим пациентам... Терапевтического отделения не было, больные этого профиля лежали в ортопедии — в барачном здании, перестроенном из конюшни и представляющем собой длинный коридор с койками вдоль стен и палатами по обе стороны. Неврологическое отделение размещалось во втором баракe. Как я уже упоминала, барака было всего два, отделения — тоже.

В ординаторской ортопедии был и пост дежурного врача, который приступал к своим обязанностям после рабочего дня и отъезда врачей, а также в выходные. Он был дежурным для всей округи, ведь других больниц ни в Боровлянах, ни в ближайших деревнях не было. Окошко ординаторской знали все — в него стучались, когда приходили за врачебной помощью. В госпиталь обращались местные жители, помощь приходилось оказывать и взрослым, и детям. Обязанностью дежурного врача было ходить к тяжелобольным в ближайшие дома и днем и ночью. В тяжелых случаях, чтобы отвезти больного в Минск, вызывали из дома водителей, и те садились за руль также в любое время суток. Так было принято и считалось само собой разумеющимся.

Медицинскую помощь мы оказывали разную, но чаще — первую хирургическую: накладывали лангеты на переломы, вправляли вывихи, перевязывали раны и стягивали их металлическими скобами. Любой врач, кроме постановки диагноза, должен был уметь вправить вывих и оказать первую помощь

при травме, работать с гипсом и скальпелем. Кроме того, к нам везли людей, пострадавших в автомобильных авариях на Логойском шоссе, и дежурный врач делал операции. А однажды мне даже пришлось принимать роды, для чего я экстренно выехала в кузове грузовика в Лесковку. Был и такой случай: я дежурила в выходной день, когда медсестра привела своего мужа с вывихом в локте. Этот вывих считается очень сложным, но я справилась: у меня, недавней студентки, пусть и невролога, а не хирурга, знания были свежими. Как удивлялись мои коллеги такому профессионализму!

Пришло время, и я наконец-то стала работать невропатологом. Отделение на сто коек находилось в кирпичном здании, которое к тому времени уже отремонтировали. В нем же разместили кабинет начальника, лабораторию, несколько комнат для физиотерапии, а также помещения с оборудованием для ЭКГ и рентгена. Рентген до этого находился на хоздворе среди гаражных боксов. Приемное отделение так и оставалось пока в деревянном здании бани, там же располагалась и столовая. Пищу готовили на печных плитах, их топили дровами.

Осенью и зимой больным выдавали телогрейки. Заходя в столовую, каждый вешал свою на спинку стула. После бани больные одевались в госпитальное — свежее белье и чистые пижамы. Я видела, как носили в баню на носилках лежачих, зимой заботливо укрывая ватными одеялами.

На грядках возле столовой сами ее работники выращивали лук, чеснок и зелень. На хоздворе держали свиней, выкармливая их пищевыми отходами, молоко получали с фермы, его привозил конюх после утренней дойки. При хозяйстве работали люди, как мне казалось, безо всяких выходных. Госпиталь напоминал дом с хорошо поставленным бытом и теплыми отношениями между людьми, которые буквально жили и дышали своей работой, воспринимали ее как служение. Тем более, больные приезжали одни и те же — все наши. Долгие годы лечились только те, кто получил на фронте ранения и был признан инвалидом. Это были люди, потерявшие конечности, лишившиеся зрения, а некоторые — со множественными увечьями, не способные себя обслуживать. И сейчас, вспоминая тех пациентов, я чувствую, как сжимается сердце, появляются на глазах слезы.

Женщины в то время поступали редко, многие из них стеснялись своих ранений, скрывали их. Это потом появились женские палаты. А еще в 1960-е, если поступала пациентка, ее клали в какой-нибудь кабинет или в комнату отдыха в неврологическом отделении независимо от профиля заболевания.

Вот таким был госпиталь, в который я пришла работать и трудилась там до приезда в него Петра Мироновича Машерова. Этот визит все изменил: и отношение к инвалидам войны, и сам госпиталь, и жизнь всех, кто там лечился и работал.

Сейчас на территории старого госпиталя находится Минская районная больница. На подходе к ней сохранились барачные здания, в которых жили его работники. В одном из них в торце была аптека, за нею — хоздвор и конюшня для кобылы, регулярно приносившей жеребят. Ухаживал за нею конюх — колоритный пожилой мужчина высокого роста, он появлялся во дворе то верхом, то на подводе, а домой уходил только на ночь. На подводе перевозили все грузы: медикаменты, продукты, белье, мебель, оборудование... Но был у нас и свой автобус.

Почти все наши врачи жили в Минске. Доставляли медиков на работу и с работы на автобусе, забирали с Комсомольской улицы и отвозили туда же. Так было и после

появления нового госпиталя, пока не решился вопрос с регулярным автобусным сообщением между Боровлянами и Минском. Нередко мы пользовались услугами самосвалов, возивших песок из карьеров на стройки Минска. Поднимешь руку — самосвал остановится. В кабину забиралось два человека, стоил проезд 20 копеек, но можно было договориться и за 15.

Так было до необычного визита, о котором я уже упоминала. Петр Миронович Машеров заехал под вечер летнего дня, когда пациенты отдыхали в саду больничного двора. Подъехала «Победа», из нее вышел высокий человек, на которого мало кто обратил внимание. А когда он направился к больным — люди не могли поверить, что это Машеров. Впоследствии они даже затруднились объяснить, какие чувства испытали в тот момент...

Пообщавшись с больными, Петр Миронович спросил у проходящей мимо медсестры, где кабинет начальника госпиталя. Иван Степанович еще не ушел. В кабинете они долго разговаривали... Приехав назавтра на работу, мы все узнали о таком неординарном событии. И о том, что Петр Миронович сажился в «Победу» грустным и задумчивым: был поражен бедностью и неустроенностью, в которой находились герои, выигравшие страшную войну.

Вскоре Машеров снова приехал. Этот визит я хорошо помню. Петр Миронович обошел оба отделения, общался с инвалидами, выслушивал их истории, жалобы и просьбы, задавал вопросы, некоторым пожимал руки. Больные жаловаться не хотели, в основном были в приподнятом настроении. Для многих, приехавших из отдаленных деревень, и такие условия казались прекрасными. Сопровождавшие высокого гостя записывали просьбы и, как мы потом узнавали от своих больных, все они решались. Это касалось не только лечения, но и житейских, и бытовых проблем. Когда Петр Миронович ходил по палатам, каждый врач стоял рядом со своими больными и докладывал об их состоянии, отвечал на вопросы.

Я тоже стояла рядом со своими пациентами. В моей палате № 2 лежал Петя Золотарев. Он получил тяжелое ранение, остался жив, но его полностью парализовало. Голова его оставалась ясной, и работало только два пальца правой руки, в которых он постоянно держал папиросу. Престарелая мать не могла за ним ухаживать, да и деваться ему было некуда. Петя давно стал сыном госпиталя, находился у нас несколько лет. Персонал ухаживал за ним, как за малым ребенком.

Петр Миронович подошел к Пете. Они тихо беседовали, и я была свидетелем, как у Машерова дрогнул голос, на глазах появились слезы. Он взял Петю за парализованную руку и, нагнувшись к нему, пообещал помочь. Я не помню его слов, так как сама была в смятении... И действительно, судьба Пети изменилась. Его наконец забрали в психбольницу, где он избавился от наркомании — Петя принимал морфий до 10 мл два раза в день, а иногда и коктейль с атропином. В те годы это было большой редкостью, и мы еще не знали, как с этим справляться, прописывали больному наркотики. Пете с мамой выделили квартиру в Минске на улице Восточной в престижном доме, назначили пенсию. Правда, после его принял дом инвалидов на улице Калинина. Сотрудники госпиталя иногда его навещали, и он говорил, что у нас ему было лучше...

Вскоре после визита главы республики начались перемены: улучшилось питание, по праздникам на столы пациентов попадали дефицитные продукты, получили новые пижамы, белье и даже капроновые носки. В каждой палате установили телевизор. Очень изменилась и территория: заасфальтировали дорогу, обсадили ее большими липами, а с другой стороны двора разбили сквер с

декоративными деревьями. Построили новый приемный покой с баней и кирпичный пищеблок с просторным и светлым обеденным залом и современным кухонным оборудованием.

А 9 мая 1968 года в этом зале был устроен для всех больных праздничный обед. Мне, в тот день — дежурному врачу, было поручено его организовать и проследить за выполнением.

Были накрыты столы, каждый — на четырех человек: шампанское, колбаса, фрукты, конфеты, приготовленные в столовой праздничные блюда... Лежачим больным все это подавали в палаты. Мы с Иваном Степановичем, начальником, поздравили всех в столовой и прошли по отделениям.

Со следующего года кроме праздничного обеда наши пациенты стали получать в День Победы подарки. От заводов и фабрик приезжали делегации с цветами, угощениями и презентами. Дарили часы, книги, радиоприемники, электробритвы, меховые шапки и рукавицы, шарфы, перчатки, наборы посуды... В дальнейшем эта традиция сохранялась еще много лет. Но самое главное: Петр Миронович, когда посещал больных, пообещал построить новый современный и достойный защитников Отечества госпиталь. И строительство его вскоре началось. А когда подходило к завершению, было организовано две бригады медработников, которые очищали помещения от строительного мусора. Весь коллектив постоянно трудился на субботниках.

Ко дню открытия четырехэтажный госпиталь блестел! Больным выдали новые красивые пижамы. В холле между столовой и залом собрались сотрудники, пациенты, местные жители. Встречали Петра Мироновича благодарными аплодисментами. Он вошел стремительным шагом в сопровождении людей, которые едва за ним поспевали. Такое впечатление, что ему не терпелось увидеть свою мечту — не больницу, а новый уютный дом для ветеранов — заселенным теми, кто был достоин всего самого лучшего.

Встретив высокого гостя, получив заряд радости, я поспешила выполнять поручение начальника. Вместе с сотрудниками в его кабинете быстро накрыли столы — ожидалось, что гость со своим сопровождением туда зайдет. И вскоре они вошли. Подняв бокал шампанского, Петр Миронович сказал проникновенные слова о наших пациентах, поблагодарил всех сотрудников за труд и отношение к больным и пообещал, что заботу о защитниках отечества государство возьмет на себя. Мы долго не могли расстаться после того, как Петр Миронович уехал. К нам на такое событие пришли гости — директора Минздрава и строительных организаций, а также руководители соседних больниц Денисовский и легендарный академик Александров. Ведь Боровляны тогда становились республиканской здравницей, уже работали Областная клиническая больница и институт онкологии.

Новый госпиталь казался дворцом. Он и был дворцом — просторные холлы с зимними садами, широкие лестницы, палаты с большими окнами, зрительный зал, библиотека, оборудованная по последнему слову физиотерапия, уютная, как в ресторане, столовая... Работало в нем восемь клинических отделений. Это была победа над равнодушием и холодностью, даже презрением, с которым почему-то в обществе относились к инвалидам войны. И это — целиком заслуга Петра Мироновича Машерова, который не мог смириться с тем, что защитники Родины находятся в нечеловеческих условиях, что унижены победоносные герои, навсегда лишившиеся здоровья на войне.

Михаил БАРАНОВСКИЙ

Максим Богданович и журнал «Национальные проблемы»

О том, что Максим Богданович имел отношение к двухнедельному журналу «Национальные проблемы», хорошо известно. Так, в полном собрании сочинений писателя мы можем найти очерк «Белоруссы», впервые опубликованный во втором номере «Национальных проблем» за 1915 год, а также рецензию на 1 и 2 номер журнала, размещенную в ярославской газете «Голос» (1915, 19 июня, № 138).

Благодаря электронным ресурсам Российской государственной библиотеки, сотрудникам Литературного музея Максима Богдановича удалось основательнее изучить издание и участие в нем знаменитого деятеля белоруской культуры.

Про то, что связь Максима Адамовича с журналом была неслучайной, свидетельствует уже первый номер «Национальных проблем», в котором перечислены его сотрудники.

Въ составъ сотрудниковъ „Национал. Проблемъ“ вошли:

Академикъ К. К. Арсеньевъ, Леонидъ Андреевъ, свящ. Агеевъ, А. Амфитеатровъ, Д. Аракчиевъ, Е. А. Адамовъ, проф. С. А. Адриановъ, А. Д. Алферовъ, А. Ф. Бабянский, проф. И. Бодуэн-де-Куртене, Ю. К. Балтрушайтисъ, проф. В. В. Бартольдъ, А. М. Беркенгеймъ, академикъ И. А. Бунинъ, Ю. А. Бунинъ, Б. Д. Бруцкусъ, Л. М. Брамсонъ, М. Богдановичъ, И. К. Брусиловскій, Г. Я. Брукъ, Л. И. Буриакъ, Бѣлоруссовъ (Парижъ), прив. доц. Н. Василенко, проф. С. А. Венгеровъ, С. С. Вермелъ, И. Владиславлевъ, Г. Вешапели, С. Варшавскій, д-ръ С. А. Байсенбергъ, Ю. А. Веселовскій, проф. А. Э. Ворисъ, М. П. Винаверъ, Р. Выдринъ, проф. М. Грушевскій, Т. Гейлиманъ, Н. Л. Геккеръ, Э. Гиппиусъ, С. Гростернъ, А. Б. Гольдовскій, чл. Г. Д. Я. Ю. Гольдманъ, проф. I Гольдштейнъ, А. Гольдштейнъ, Н. В. Давыдовъ, прив.-доц. И. Джаваховъ, Л. П. Даровскій, Діонео (Лондонъ), А. Б. Дерманъ, А. К. Дживелеговъ, С. Я. Еппатевскій, А. В. Игельстромъ, чл. Г. Д. И. П. Залитъ, А. О. Золотаревъ, Э. М. Зильбербергъ, М. О. Зандукели, проф. К. Жаковъ, чл. Г. Д. М. М. Ичасъ, Мухамедъ-Гязъ Исхаковъ, Н. Йорданскій, П. М. Кара-Мурза, Н. А. Крашенинниковъ, Б. А. Кистяковский, проф. бар. С. А. Корфъ, Л. С. Козловскій, А. А. Койранскій, проф. Д. Е. Крымскій, чл. Г. Д. С. С. Крымъ, В. Я. Канель, У. Б. Кубатиевъ, А. Р. Ледницкій, Гр. Ландау, А. П. Лурія, С. Линцеръ, проф. И. Лушинскій, П. Н. Малянтовичъ, И. Ю. Марконъ, П. С. Марекъ, Д. С. Мережковский, О. Э. Миртовъ, И. Накатовъ, Н. М. Никольскій, чл. Г. Д. М. М. Новиковъ, В. П. Обнинскій, Н. М. Осиповичъ, С. В. Петлюра, А. С. Панкратовъ, проф. А. И. Покровский, Л. Ф. Пантелеевъ, В. П. Потежнинъ, Н. Н. Полянский, Н. Преображенскій, С. С. Раецкій, Я. Л. Сакеръ, О. Н. Смирновъ, М. Г. Сивачевъ, В. Садовскій, проф. П. Н. Сакулинъ, Л. I Саминскій, М. А. Славинскій, проф. Б. И. Сыромятниковъ, прив. доц. В. Сторожевъ, гр. И. И. Толстой, кн. Г. Тумановъ, К. Треневъ, В. Г. Тардовъ, Н. Д. Телешовъ, Я. Тенинсонъ, Я. И. Теръ-Арутюновъ, М. Тривусъ, Али-Марданъ Бекъ Толчибашевъ, проф. М. Туганъ Барановскій, Н. В. Тесленко, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. В. Устиновъ, В. М. Фриче, В. Фроловъ, А. Хатисовъ, Г. Х. Чапушьянъ, Е. Чириковъ, проф. М. П. Чубинскій, Н. А. Шаховъ, Ф. П. Шипулинскій, Абасъ Мирза Ширинскій, Г. И. Шрейдеръ (Римъ), Ю. И. Шамуринъ, С. И. Шиллингъ, А. Т. Цаликовъ, I. В. Яшунскій, И. I. Юркунасъ.

Как заметил в рецензии Максим Богданович, «круг сотрудников журнала очень богат», и это действительно так. Полный их список составляет 128 человек. Определить степень вовлеченности каждого в работу журнала тяжело, так как не все они представили свои материалы на страницах «Национальных проблем». Возможно, некоторые просто решили поддержать издание своим авторитетом, но для нас важно другое — уже в первом номере в списке фигурирует «М. Богданович». Фамилия писателя представлена и в трех последующих номерах журнала.

Выходил он в Москве в издательстве З. М. Зильбербега, а редактором выступал писатель Михаил Сивачев. Всего свет увидело 4 номера «Национальных проблем».

Стоит отметить, что среди сотрудников указано несколько фамилий, так или иначе связанных с жизнью Богдановича. Это и наиболее близкий Макси-

му преподаватель Демидовского юридического лица Богдан Кистяковский (в упомянутой выше рецензии Богданович особенно выделяет его публикацию «Что такое национализм»), возможно, Алексей Золотарев (с которым Максим был в приятельских отношениях и вместе печатался в газете «Голос»), Владимир Пичета (выступали вместе на лекции, посвященной национальным вопросам в Ярославле), Евгений Чириков (написавший отцу Максима рекомендательное письмо для Алексея Пешкова), Симон Петлюра (редактор журнала «Украинская жизнь», в котором печатались статьи Максима Богдановича).

Журнал позиционировал себя как площадку, на которой будет проходить освещение и выяснение «национально-культурных нужд разноплеменной России», и в основу своей программы заложил принцип национально-культурного самоопределения, признания необходимости «гарантий прав национального меньшинства».

Если говорить непосредственно о содержании, то оно представлено теоретической частью, очерками национального развития различных народностей, их текущих забот, а также отделом библиографии и «Хроники» национальной жизни.

Максим Богданович в своей рецензии делает особенный акцент на двух разделах: «В этой хронике и в информационных статьях и заключается главная ценность “Национальных проблем”».

К хронике мы вернемся чуть позже, а пока заметим, что в тематической библиографии, посвященной национальным вопросам, Максим Богданович представлен тремя своими работами:

28. БОГДАНОВИЧ, М. Угорская Русь. «Библиотека Войны». № 24. М. Изд. К. Некрасова. 16 стр. 5 к.

29. БОГДАНОВИЧ, М. Червоня Русь (Австрийские украинцы). «Библиотека Войны». Ярославль. Изд. К. Некрасова. 31 стр. 10 к.

50. БОГДАНОВИЧ, М. О гуманизме и неосмотрительности. «Украинская Жизнь», 1914 г., №11—12. По поводу доклада г. Курнатовского об этнографических границах Польши.

Во втором майском номере журнала, кроме непосредственно статьи Максима Богдановича «Белоруссы», в которой он со всей основательностью разбирает волнующий его вопрос, хотелось бы обратить особенное внимание на раздел «Хроника», где в соответствующем подразделе был представлен следующий текст:

Белоруссы.

Августовский уезд Сувалкской губ. и западная часть Гродненской губ., населенные белоруссами, сильно пострадали от вражеского нашествия. Для помощи жертвам войны белорусская интеллигенция создала свою национальную организацию, устав которой получил утверждение 9 марта т. г. В числе членов-учредителей значится ряд видных деятелей белорусского движения. Район действия Общества — все пять северо-западных губерний. Белорусская газета «Наша ніва» обратилась к белорусским национальным, кооперативным и т. п. организациям, а также к частным лицам с горячим призывом оказать названному Обществу поддержку.

Алексей БЫЧКОВ

Мое закулисье

Ностальгический ералаш из записок
провинциального артиста

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дорогой читатель!

Мне хочется рассказать тебе о театре, точнее, о закулисной жизни театра. Может быть, прочитав эти воспоминания, ты по-новому, под другим ракурсом посмотришь на нашу актерскую жизнь, на театр.

Ты не догадываешься, насколько закулисье богато яркими, неординарными личностями, интересными случаями, забавными историями, казусами и курьезами, без которых театральная жизнь была бы пресная, скучная и неинтересная.

Ты даже представить себе не можешь, какие ляпсусы (у нас они называются «накладками») случаются во время спектаклей. Тебе порой и невдомек, что спектакль вдруг начинает идти совершенно не так, как было задумано режиссером: меняется поведение актера, меняются мизансцены и т. д.

Итак, начинаем путешествие в закулисье Гомельского областного драматического театра. Наш экскурс пройдет под девизом: «Сам себя не пощечешь — никто не рассмешит».

Вот, например, казусный случай, который произошел на спектакле «Еще не вечер» по пьесе Георгия Марчука. Реквизитор перед началом спектакля почему-то забыла «зарядить» на нужное место телефон-трубку, а у меня по ходу действия впереди телефонный разговор с дочерью. Причем очень важный разговор для развития сюжета, интриги. И вот звонит телефон (звонок, как правило, записан на фонограмму). Я собираюсь ответить и вдруг понимаю, что телефона нет! Но он звонит! Значит, надо как-то выкручиваться. И я, как полоумный, начинаю метаться по сцене в поисках телефона (мол, куда же я его положил?). Наконец соображаю, что такой же телефон-трубка должен быть в квартире соседа (по спектаклю это другое место действия). Иду в квартиру соседа, нахожу там телефон, выхожу на зрителя и, как ни в чем не бывало,

начинаю разговор с дочерью. Казалось бы, пустяк, зал ничего не заметил — все естественно и органично. А тут — стресс, адреналин, нервные клетки не восстанавливаются. Зато нерв, приобретенный во время поиска телефона, еще больше накалил сцену телефонного разговора.

А сколько всего случается на гастролях! Гостинично-кочевая жизнь — самое благоприятное время для розыгрышей. Разыграть коллегу — это же заряд бодрости и хорошего настроения на целый месяц! Конечно, розыгрыш розыгрышу рознь. Можно заиграться так, что сам станешь жертвой своей шутки. Но чаще подтрунивали безобидно. Например, так...

Зная, что наш коллега любит ложиться рано, чтобы почтить перед сном, мы заранее спрятали под простыню в его постели метров десять размотанных ниток, а конец протянули к столу, за которым мы чаевничали и вели беседы. Суть розыгрыша в том, что, когда тянешь за нитку, человек, который лежит в постели, вдруг начинает чувствовать странные шевеления на простыне. Ощущение омерзительное: как будто по кровати ползают сороконожки или тараканы.

Вот, наконец, коллега улегся. Мы сидим за столом, пьем чай, о чем-то болтаем. Я начинаю тихонько, осторожненько тянуть нитку. Коллега сначала замер, отложил книгу, потом стал ворочаться на кровати. И вдруг он вскакивает как ошпаренный. Мы начинаем давиться от смеха и как ни в чем не бывало спрашиваем: «Что-то случилось, Володя?» — «Нет, ничего, — отвечает он, — просто складки на простыне распрямляются и щекочут». И снова ложится с книгой в постель. Мы продолжаем болтать, а я тяну нитку. Володя извивается на кровати, как уж, мы едва сдерживаем себя, чтобы не расхохотаться в голос. Тут он снова вскакивает с постели, откидывает одеяло и начинает смахивать что-то с простыни. Кто-то из нас вдруг не может сдержаться и истерически хохочет, но чтобы не сорвать розыгрыш, показывает на окно, мол, там он увидел что-то смешное. Володя без подозрений снова ложится в постель. Я начинаю тянуть нитку. И тут она рвется! Все, отшутились...

На следующий день каждый из нас рассказал эту историю своим друзьям, те — своим друзьям, в результате о розыгрыше знал весь театр, а Володя, как тот обманутый муж об измене жены, о розыгрыше узнал последним.

Однако я так увлекся, что забыл представиться: Бычков Алексей Михайлович, русский, родина — Украина, Донецк, живу в Беларуси, в Гомеле, — человек интернациональный. Кото-Лев: родился в год Кота, 1951-й, 1 августа — львиная середина.

Ну, вот пока и все о себе любимом. Вообще-то образ человека, его характер складывается из слов и поступков, а этого в моих записках будет предостаточно. Так что образ автора у каждого читателя сложится свой, в зависимости от его доброжелательности и самоиронии. Эти черты в людях я ценю больше всего.

Хочу предупредить, что хронология в этих воспоминаниях не будет соблюдена. Это своего рода пестрый коллаж или ностальгический ералаш из того, что иногда фиксирует память и перо. Итак...

ТЕАТР

Снова Гамлет вонзает отравленное острие
И, отбросив картон, добывает врагов монологом.

Зиновий ПРИГОДИЧ

Архивы свидетельствуют

Рецензия на книгу Алеся Карлюкевича и Вячеслава Селеменева «Звяртаюся ў ЦК»

В годы так называемой перестройки усилиями активистов БНФ все, что было сделано и делалось советской властью, беспощадно шельмовалось, оплевывалось и отбрасывалось вон. И, конечно же, основными виновниками всех социальных бед, всех общественных проблем объявлялись коммунисты и их главный штаб — Центральный комитет партии. К сожалению, в этой клеветнической вакханалии активное участие принимали и некоторые литераторы: их, дескать, немилосердно зажимали, душили цензурой, резали талантливые произведения, не пускали в печать.

На самом деле все было далеко не так. Об этом убедительно свидетельствует увидевшая свет в издательском доме «Звезда» книга «Звяртаюся ў ЦК...» (Обращаюсь в ЦК). Ее авторы Алесь Карлюкевич и Вячеслав Селеменев показывают реальную картину взаимоотношений творческих работников с партийным руководством республики. Показывают на конкретных архивных документах. И мы видим, что в этих отношениях было много взаимного уважения, искренней заботы о развитии национальной изящной словесности.

Так было и в конце 1960-х годов, в период между V и VI съездами Союза писателей БССР. В книге приводится довольно обширная докладная записка на имя секретаря ЦК КПБ Пилотовича С. А. Документ датирован 3-м марта 1970 года и подписан заведующим сектором литературы отдела культуры ЦК Алесем Савицким и инструктором этого отдела Владимиром Гниломедовым. Речь в записке идет о глубоком, объективном анализе достигнутого писателями республики, о насущных задачах современной белорусской литературы.

Среди первоочередных задач, в частности, отмечалась необходимость отражения крупным планом человека труда, раскрытия его богатого духовного мира, углубленного исследования общественно значимых, существенных явлений действительности. Особое внимание уделено теме современности, которая, по мнению авторов записки, очень непросто находит свое место в произведениях сегодняшней белорусской литературы. И дело не только в том, что писатели редко обращаются в своем творчестве к дню бегущему. Причина глубже: дает о себе знать оторванность многих писателей, особенно молодых, от практической жизни народа, его больших дел и грандиозных трудовых свершений.

Почему это происходит? Ведь со стороны партии и правительства созданы богатейшие возможности для плодотворного творческого труда. Существенное развитие получила полиграфическая база республики, упорядочена гонорарная система, увеличены объемы печатных органов, расширены штаты в различных редакциях и издательствах. Регулярно проводятся творческие семинары молодых авторов, организуются писательские десанты на крупнейшие предприятия и хозяйства страны.

Ответ на этот вопрос находим в самой записке. В ней подчеркивается, что Союз писателей по сути самоустранился от руководства творческой и органи-

зационной деятельностью творческого коллектива, занимаясь в большинстве своем узкими организационно-бытовыми вопросами, не содействовал развитию принципиальной партийной литературной критики, мало уделял внимания выработке коллективных писательских суждений по важнейшим творческим проблемам.

Объективности ради необходимо отметить, что в записке не только отмечались недостатки в работе Союза писателей, но и предлагалось ряд конкретных мер, направленных на улучшение сложившейся ситуации. В частности рекомендовалась новая структура руководства союза с уменьшением количества секретарей и с привлечением к этой ответственной работе политически зрелых, опытных кадров.

Кстати, интересен вывод авторов книги, проанализировавших этот документ. Он достаточно трезв: «Вряд ли реализация предложений, заложенных в записке, что-то существенно изменила...» Да, это было характерно для партийного руководства того времени. Высокому начальству казалось, что стоит лишь принять строгое, всеобъемлющее постановление — и писатели сразу же начнут создавать шедевры.

И тем не менее отмечают авторы, белорусская художественная литература развивалась, двигалась вперед. Появлялись новые яркие произведения, которые создавали почву, фундамент нынешней национальной культуры.

Общение писателей с властью — это всегда непростая тема. Власть, когда ее интересует эта тема, пробует выстроить определенную систему взаимоотношений, напомнить творцам, что и художественная литература в ответственности за воспитание общества, за сбережение традиций гуманистического развития народа. К сожалению, творческие люди часто не слышат и не желают даже этого понимать, ссылаясь на более высокие материи. Они не любят чужого вмешательства в их творческий процесс, считают это нарушением «художественной территории». Но ради пользы, ради того, чтобы двигаться вперед всем вместе, необходимо жить и искать слова, которые и Человека возвышают, и Общество консолидируют. Художественная литература как уникальное явление культуры от этого только выигрывает.

От писателя всегда ожидают правдивого отображения жизни. Поэтому можно понять его стремление выйти за границы дозволенного, сказать читателю в своем романе или повести чуть больше того, что он находит на страницах общественно-политических изданий. К сожалению, некоторым ответственным работникам не всегда удавалось или не хватало мудрости пойти вслед за смелым художественным изложением действительности.

Как фрагмент прежней литературной и издательской жизни в книге приводится один красноречивый документ, который хранится в Национальном архиве Республики Беларусь. Это — адресованная ЦК КПБ докладная записка начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров БССР тов. Маркевича. В ней говорится, что редакции литературно-художественных журналов «Нёман», «Полымя», «Маладосць» не всегда проявляют необходимую требовательность к идейно-политическому содержанию произведений, которые предлагаются к печати. В результате отдельные повести, рассказы, статьи или очерки задерживались и возвращались редакциям на доработку.

Среди наиболее важных и принципиальных замечаний, которые предъявлялись произведениям литературы, указывалось на предвзятое освещение отдельных явлений советской действительности, искажение правды

о партизанской борьбе на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, одностороннее освещение отдельных явлений в жизни колхозной деревни. В качестве примера называлось эссе Владимира Короткевича «Званы ў прадонных азёр». И вот какую характеристику давал главный цензор этому эссе: «...Хотя по жанру произведение является историческим публицистическим очерком, считаем, что автор односторонне подошел к показу сегодняшнего Полесья, сконцентрировав внимание читателя не на главных, а на второстепенных явлениях... По очерку создается впечатление, что не люди, их дела и духовный рост, а памятники старины составляют главное лицо, главное достоинство этого края».

Как же отреагировали в ЦК КПБ на эти замечания? Состоялась беседа с руководством упомянутых журналов, редакторам указано на необходимость строгого выполнения требований, изложенных в постановлении ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень печатаемых материалов и репертуара».

Сегодня такой упрощенный, вульгарно-социологический подход к произведениям литературы и искусства нам кажется по меньшей мере странным. Но таково было время. И руководящие работники были заложниками этого времени, активными проводниками партийных решений.

Но вот изменилось время, в нашу жизнь вторглась перестройка, и ЦК КПБ демонстрирует иные подходы к решению назревших проблем. В книге приводится такой факт. Группа авторитетных в Беларуси и Советском Союзе деятелей культуры направила на адрес первого секретаря ЦК Соколова Е. Е. коллективное письмо. В нем говорится, что в Гомеле чудом сохранился единственный в Беларуси православный кафедральный Петропавловский собор. Возник вопрос о его дальнейшей судьбе. Местные власти предлагают разместить в нем концертный зал органной музыки. Такое решение, по мнению авторов письма, нельзя считать правомочным и хорошо продуманным. Установка в соборе органа, которого там никогда не было, приведет к искажению интерьера памятника архитектуры, истории и культуры. К тому же органная музыка всегда была неотъемлемой частью католической церкви, и, конечно же, в православном соборе византийского, а не готического стиля орган будет выглядеть и звучать неестественно. В заключении письма высказана надежда, что вопрос о передаче собора религиозной общине будет решен положительно.

Резолюция Соколова Е. Е., адресованная тогдашнему секретарю Гомельского обкома партии Камаю А. С., была краткой: «Надо пойти навстречу прихожанам». И вскоре решением Гомельского горсовета Петропавловский собор был передан в бесплатное пользование религиозному обществу Русской православной церкви в соответствии с установленным законом порядком.

Необходимо отметить, что в ЦК партии обращались не только по поводу общественно-значимых вопросов, но и с сугубо личными проблемами. И в этих случаях, как правило, заявители находили понимание и поддержку.

Показательный пример. Авторы книги среди многочисленных архивных документов того времени обратили внимание на одно писательское обращение к республиканской партийной власти. Известный белорусский писатель Василь Витка просил оказать помощь в издании его произведений. В частности, он сообщал, что рукопись книги «Чытанка-маляванка»

лежит в издательстве уже шестой год, в то время как штатные работники этого издательства выпускают свои книги ежегодно.

ОСИНОВСКИЙ Александр Александрович. Родился в 1934 году в деревне Сагутьево Трубчевского района Брянской области (Россия). Окончил радиотехнический факультет Киевского политехнического института. Автор нескольких книг прозы, в том числе «Портрет мальчика на грозовом фоне», «Гипертайна Любомира Богова» и сборника стихов «Мгновения и вечность». Лауреат нескольких литературных конкурсов. Живет в Минске.

МОРОЗОВ Змитрок (Дмитрий Дмитриевич). Родился в 1954 году в поселке Язбы Крупского района Минской области. Окончил агрономический факультет Белорусской сельскохозяйственной академии. Автор 30 книг поэзии и прозы для детей и взрослых, а также автор первого в славянской поэзии венка венков сонетов «Апакаліпсіс душы». Лауреат премии Ленинского комсомола Беларуси и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Лауреат Республиканской литературной премии «Золотой Купидон». Живет в Минске.

ЦЕНУНИН Владимир Ефимович. Родился в 1954 году в деревне Ботвиновка Кричевского района Могилевской области. Окончил исторический факультет Могилевского педагогического института. Автор ряда книг поэзии и прозы. Лауреат нескольких республиканских и международных литературных премий и фестивалей бардовской песни. Живет в городе Вилейка Минской области.

СОВЕТНАЯ Наталья Викторовна. Родилась в 1956 году в поселке Янтарный Калининградской области (Россия). Окончила Ленинградский государственный университет. Поэт, прозаик, публицист, кандидат психологических наук. Автор семнадцати книг поэзии, прозы, публицистики. Лауреат республиканских и международных литературных конкурсов. Живет в городе Городок Витебской области.

КАРНАУХОВА Ирина Александровна. Родилась в 1958 году в городе Барановичи Брестской области. Окончила Минское музыкальное училище имени М. Глинки и факультет педагогики и методики воспитательной работы Минского государственного педагогического института имени М. Горького. Автор нескольких десятков поэтических сборников для взрослых и детей. Лауреат международных и республиканских литературных конкурсов. Живет в Минске.

ДУШЕЧКИН Андрей Андреевич. Родился в 1960 году в городе Минске. Окончил Белорусский театрально-художественный институт (курс Раевского В. Н.). Поэт, актер, ведущий мастер сцены Национального академического драматического театра имени М. Горького. Заслуженный артист Республики Беларусь. Автор книг «По ту сторону зеркала», «Отражения», «Письма луны», «Два неба», «Костер» и др. Лауреат республиканских и международных литературных премий. Награжден медалью Франциска Скорины. Живет в Минске.

МАРКОВСКАЯ (МУХА) Людмила Михайловна. Родилась в 1956 году в рабочем поселке Ольховка Островецкого района Гродненской области. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор книг прозы «Забыть невозможно вернуться», «Миллефиори». Лауреат литературных премий и конкурсов. Живет в Минске.